

О прозе Александра Малиновского

В самарском издательстве "Русское эхо" у Александра Малиновского в этом году вышли две новых книги: "Дом над Волгой" и "Голоса на обочине". И если первая книга представляет читателю в основном знакомые уже произведения писателя ("Колки и перелесья", "Под открытым небом"), то появление второй ("Голоса на обочине", "Свирель запела на мосту") — можно и должно назвать если не новым этапом, то, как минимум, новым подходом в творчестве автора.

Читателю, знакомому с прозой Александра Малиновского, известен характер большинства его крупных прозаических произведений — который, условно говоря, можно назвать "автобиографическим". То есть тот самый пресловутый "лирический герой" в романах и повестях Малиновского до сих пор был максимально приближен к самому автору, вплоть до совпадений имени и основных вех судьбы.

В повестях "Голоса на обочине" и "Свирель запела на мосту" писатель делает решительный шаг в сторону от этой многолетней инерции, как бы "уходит в народ", становится из "писателя" "слушателем". Выслушивает и записывает истории, поведенные ему в разное время разными людьми, зарисовывает бытовые сценки, протоколирует обрывки разговоров, сжато конспектирует огромные человеческие судьбы, мелькнувшие за одним-двумя воспоминаниями.

И это приносит неожиданный, где-то даже оглушающий эффект. Как, например, в табуированной до сих пор в литературе теме голода и людоедства в Поволжье на заре "новой и счастливой жизни".

Кто ответит за Голодожор?

Казалось бы, нас сегодня уже ничем особенно не удивить, помимо завилон прочитанных и непрочитанных мемуаров, ещё и в каждой избушке — свои, как говорится, родовые погрешности времён Гражданской и Великой Отечественной.

Но Малиновскому удалось. Не то, чтобы удивить (зрелый и признанный мастер этим не будет заниматься), а именно — сказать что-то новое... Потому

му что от тех "избушек", про которые говорит писатель, — не осталось даже "погрешушек"...

И в самом деле, что сегодня из наших соотечественников, до конца недоизнасилованных контрибутивным небратским "голодомором", помнит про Голодожор? Про трагедию русского Поволжья в 1921-22 годах?

А вспомнить стоит. Вот отрывок воспоминаний одного из немногих выживших, приведённый Малиновским:

На бесконечном посту

Алексей ШОРОХОВ

"А мор продолжал косить народишко. Ели корни и камыш. Разные мослы, которые много лет валялись в пыли, начали сушить и тереть. Получалась костная мука. Ели речной ил, глину..."

Так было и у нас, и в других местах. Дети и взрослые ежедневно ползли в помещении сельсовета с милостью дать хлеба. Кто высохший, как скелет, кто до безобразия опухший.

С наступлением холодов ни травы, ни кореньев не стало. Поели почти всех собак и кошек. Ели всё, что казалось съедобным.

Тут уж начали вымирать целыми семьями. Обезумевшие родители бросали замерзать своих детей на морозе в поле.

Пока земля не замёрзла, как-то ещё хоронили. И то не везде. Уцелевшие, одичавшие собаки растаскивали трупы. В нашей деревне умирало человек по шесть в день. Маленькие дети от голода грызли себе ручонки. Их связывали.

Начали есть древесные опилки, размалывали ветки молодняка. Спасало не надолго. Болели и мёрли.

...Тут зачали воровать трупы с могил. Перестали приносить умерших детей на кладбище, оставляли для еды.

Я раньше читал тогда, что людей едят. Но это там где-то, за семи морями, а тут у нас...

Дальше — не легче...

И возникает законный вопрос: а кто же это всё устроил на землях одной из богатейших земледельческих губерний России? Можно сказать, конечно,

про засуху 1920 года, про Гражданскую войну... Но и засуха, и Гражданская война были на всей 1/6 мировой суши, так почему же где-то жрали сало, запивая горилкой, и скакали друг за другом на тачанках, а где-то — уже прочно осев под новой властью — ели друг друга?

У такой вот локальной разрухи должны же быть свои персональные имена и фамилия? И они есть — руководил Самарским губкомом "выдающий

ся российский (с чего бы?) и украинский революционер", уроженец городу Чернигова, товарищ Антонов-Овсенко. И руководил *гарно*. Лихо отчитываясь перед центром, увеличивая нормы продразвёрстки. Благодаря чему в одном только Пугачёвском уезде от голода погибло по официальной статистике 88 000 человек. Согласно опять-таки официальной статистике потери от голода по всей двух с половиной миллионной губернии составили от 15 до 30 % — то есть до трети населения, а количество голодающих приблизилось к 94 %.

Таким вот именно образом *справжний украинский* революционер приближал русским людям светлое будущее. С привкусом человечкины.

Но он ли один? Начинаешь знакомиться с биографиями основных погромщиков — и аж дух захватывает от небратства! Один из устроителей чудовищного террора на территории России, теоретик и практик рассказывания, раздворянивания, раскрестывания, раскупечивания и расчерковывания Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) — украинец! Уроженец села Яновка, Елисаветградского уезда, Херсонской губернии. Его помощник и подручный, палач русского народа Герш Аронович Зиновьев — тоже украинец, уроженец Елисаветграда. Прославленный террорист и революционный душегуб (по одной из версий — убийца Есенина) Яков (Симха-Янкев Гершевич) Блюмкин — опять украинец, уроженец Одессы!

Стоит ли говорить, что "прославленный" председатель Петроградской ЧК

Моисей Соломонович Урицкий — также украинец, уроженец Черкасс, Киевской губернии!

Далее, если вы до сих пор и сомневались, то знайте: основатель ГУЛАГа вовсе не кровавый тиран Сталин (уроженец Тифлиса Джугашвили), а оборотистый украинец Нафталий Френкель, уроженец Одессы, начавший свою торгово-революционную карьеру в Мариуполе!

Да и у всех остальных погромщиков

и упырей русской истории 20-30-х годов XX века, даже и уродившихся в Москве или Нижнем Новгороде (как, например, царевича Свердлова) — совершенно очевидные украинские корни!

Если же кто-то усомнится в "украинстве" вышеозначенных персонажей и попробует отказать им в несомненной *щирости* и однозначной *свидомости*, то мы спросим: а чем они хуже нынешних президента и премьер-министра украинцев Порошенко или Гройсмана? Человек, который задаст такие нехорошие вопросы, на всю жизнь получит от нас одно очень неудобноносимое клеймо! И больше ему никто и никогда руки не подаст и по телевизору не покажут!

Так вот теперь и задумаемся — какой погром учинили украинцы на территории России в 20-30-х годах XX века! Ведь даже голод и людоедство, учинённые Антоновым-Овсенко в Поволжье, его подельники, украинцы Троцкий с Зиновьевым, использовали, чтобы разгромить Русскую Церковь под видом "изъятия церковных ценностей на помощь голодающим". Помощь голодающим с чудовищным опозданием, но всё-таки пришла, правда, американская и по линии "Красного креста". А вот большинство храмов, лишённых церковной утвари, оказались закрыты.

Но вернёмся к историческим счётам... Если всё это посчитать и предъявить соседям-небратьям, то даже возмещающая ущерб остатками советской промышленности и инфраструктуры — выплаты займут весь XXI век, а уж ес-

ли смотреть реалистично — с неизбежным возвратом в мазани и на хутора — то горилкой и салом и до начала Третьего тысячелетия не откупятся...

Гуманисты на подхвате у СС

В этой своей новой литературной манере Александр Малиновский представляется мне стоящим на бесконечном мосту, по которому проходят люди, и каждый несёт свою историю.

Перед лицом, скажем пафосно, вечности — они все одинаково ценны, как и, скажем уж точно, перед Лицом Божиим. Но литература, увы, живёт во времени.

Поэтому ещё один рассказ о "раскалеченных" (после "Тихого Дона") или "раскупленных" (после Можая или Белова) что-то, разумеется, добавит в копилку наших общих знаний о русской трагедии в XX веке, но... отклика не вызовет. В век ишквального обрушения информации на каждого отдельно взятого человека и тотального "белого шума" в обществе в целом — только однажды удаётся сказать что-то, что по-настоящему становится "высказыванием" (в экзистенциальном, бахтинском и фёдоровском смысле), остальное — всё более и более глухие повторы, отзвуки, отголоски.

Многие современные писатели сознательно и ухищренно (и, добавим, безрезультатно) ищут себе тему для такого высказывания. В случае с Малиновским — тема сама нашла писателя. К этому как бы всё и шло: писатель, родившийся и выросший в Самаре — кто же ещё поведает об ужасах 20-30-х годов в Поволжье? Возможно, что Александр Малиновский ещё вернётся к этой теме, но и сказанного сегодня — оглушающе много.

Но есть ещё одна, на мой взгляд, необходимейшая для русского писателя вещь в его "высказывании" городу и миру — способствовать оно нравственному, по слову Аполлона Григорьева, самостоятию русского народа или разрушает его.

И как и в описании срезжисирован-

ного голода 20-х годов, так и в других своих "голосах", Малиновский всё же находит (или сама жизнь находит) слово для преодоления беды.

И если сама жизнь (а здесь мы понимаем и тех, кто формирует повестку нашего времени, хотя они и сами включены в более широкую повестку истории, как, например, Гитлер, хотя и не совсем так, как они того бы желали) сегодня заставляет нас вновь и вновь возвращаться к урокам Великой Отечественной войны, то я хотел бы привести ещё один отрывок из "голосов" Малиновского — о пребывании в немецком (или, может быть, точнее — норвежском?) плену русского солдата.

"...Те, кто некурят, скрывали это. Свою сигарету отдавали за маргарин курящим. Получалась у них двойная порция маргарина. Так и я поступал, некурящий. Тому, кто не курил, получалось, хоть что-то попадало в организм из жиров, они ещё как-то держались..."

А курильщики быстро сдавали, у них двойная порция отравы получалась... Как таскать камни, когда еле ноги передвигаешь? Когда смотрит на тебя охранник, стараешься двинуться с камнем в руках. Как только отвернёшься, останавливаешься передохнуть. Надо было уметь вовремя начать движение, когда охранник вновь посмотрит в твою сторону. Не всем удавалось это...

Охрана в этом лагере не зверствовала особо. Вольнонаёмные у немцев были, из местных. За свой паёк служили. Помогали бедолагам по-своему... Грузили, которым не по силам была работа, на посудину человек по тридцать-сорок, выплывали чукот в море и сбрасывали. Помогали, как они говорили, отправиться на морской курорт. В основном курильщиками...

"...Разных помощников поведаль я на своём веку".

Этот рассказ, как мы понимаем, вовсе не о вреде курения. Он о том — кто в действительности воевал с нами, начиная с 1940-го (Финская война) года.

Знакомые все лица, не правда ли? И если мы думаем, что спустя 70 лет они изменились — мы очень сильно вредим нравственному самостоятию нашего тысячелетнего народа. Малиновский свидетельствует.

Курильщики

Никак не могли меня мать с отцом заставить бросить курить. Я и сам был не против, но... Сам с собой совладать не мог.

...А тут гуртуются около Ванькова палисадника парни. Курят. Пасха! Солнечно так. Все нарядные и весёлые. Меня зывают к себе. Свернули и мне "козью ножку" из газеты. Я закурил. Стою фасонисто, дмлю.

Вдруг как жахнет! Они, паразиты, в махорку добавили мне пороку! Вот как! Брови мне опалило. Лицо в копоти всё. Сделали мне "козью морду".

Пошёл я отмываться к бочке с водой. А встал мне Колька Ло-бас-тый, здоровенный паренёк, лет уж около двадцати ему было:

— Не серчай, Костя! Отец твой, Гордей, больше уж скурчался, что куришь. Пособить проси, отведать тебя. Дал нам на всех махорки авансом... порох мы сами нашли. Мы и пособили. Старших слушаться надо!

Все стоят, смеются — и кто курит, и кто не курит...

...Может, то, что бросил курить, спасло мне жизнь.

Когда уж был в плену в Норвегии у немцев, строили мы железную дорогу. Взрывали скалы и делали площадку для шпал. Поскольку работа тяжёлая, нас как-то ещё кормили. В день давали двести пятьдесят граммов баланды, в основном из бьюквы, часто нечищеной, сто пятьдесят граммов хлеба, около пятнадцати граммов маргарина и обязательно... одну сигарету.

Те, кто некурят, скрывали это. Свою сигарету отдавали за маргарин курящим. Получалась у них двойная порция маргарина. Так и я поступал, некурящий. Тому, кто не курил, получалось, хоть что-то попадало в организм из жиров, они ещё как-то держались.

А курильщики быстро сдавали, у них двойная порция отравы получалась...

Как таскать камни, когда еле ноги передвигаешь? Когда смотрит на тебя охранник, стараешься двинуться с камнем в руках. Как только отвернёшься, останавливаешься передохнуть. Надо было уметь вовремя начать движение, когда охранник вновь посмотрит в твою сторону. Не всем удавалось это...

Охрана в этом лагере не зверствовала особо. Вольнонаёмные у немцев были, из местных. За свой паёк служили. Помогали бедолагам по-своему... Грузили, которым не по силам была работа, на посудину человек по тридцать-сорок, выплывали чукот в море и сбрасывали. Помогали, как они говорили, отправиться на морской курорт. В основном курильщиками... "Разных помощников поведаль я на своём веку.

Дожить до весны!..

Говоришь, в голодные годы твой дед с семьёй уехал в Сибирь, и потому все они остались живы? Случалось и такое... Только с нашей-то семьёй по-другому было. Если б только с нашей...

— Вы хорошо помните те годы? — спрашиваю. Лицо старика трогает время подобие усмешки: — Ещё бы! В памяти такие зарубы остались... — Могли бы рассказать? — спрашиваю. — Мог бы, только не сейчас. Неважно себя чувствую после операции. Недели через две, может быть...

***

Старик рассказывал несколько вечеров. Я редко перебивал его вопросами. То, что я услышал от него, сидя вместе с ним в скверике во дворе, меня выбило из равновесия. Я несколько дней приходил в себя. Не мог ничем заняться сосредоточенно, пока не понял, что надо успевательно записать. Перенести на бумагу. Не мог носить в себе...

Рассказ его я, как сумел, сгруппировал, удалил из него повторы... Нигде и ничего от себя... Местами опустил подробности, которые показались мне неверными дикими... Всплывали в памяти отрывочные сведения из архивных документов. Но передо мной был живой свидетель...

"Видишь ли, в некоторых уездах Самарской губернии в 1920 году не выпаало ни одного дождя. Поля и луга в глазах выгорали. Появились полчища саранчи.

жёлуду. Ели их пока наполовину с мукой, потом с мякиной, ледобед. Ещё с репейником этим.

...И 21-й год оказался таким же засушливым. Так много стало пожаров. Горели леса, горели деревни вокруг. А тут холера! Тогда говорили, что она пришла из города. Наступил форменный мор.

Мой родитель с зятем Николаем поехали в Уральск на двух подводах за продуктами. Они не вернулись живыми. Нашли их убиенными, когда, значит, они уже возмзрщались.

Недалёко нашли, тут, за околицей. Лошадей увели. Продукты пропали тожа...

Я догадывался, что это свершил, седёлку нашу опознал. Но куда

Александр МАЛИНОВСКИЙ

с этим? Пришибут только...

...Все, что мог, к концу 21-го года гужом потянулись кто куда. Кто на скрипучих телегах, кто в кибитках, кто как... Мимо нашей деревни день и ночь шумели повозки, мычали коровы, тянулись верблюды...

Плач детский и стон взрослых слышались отовсюду.

Пошло страшное воровство. У кого корову, у кого овцу уведут со двора. И зарежут.

И нашенские уезжали.

Мама у нас года три уж как умерла. Вдвоём мы с сестрой Настёной остались. А она на сносях. Вот-вот родит. Куда мне деваться из деревни? Всё на меня легло, на двенадцатилетнего парнишку.

А мор продолжал косить народишко. Ели корни и камыш. Разные мослы, которые много лет валялись в пыли, начали сушить и тереть. Получалась костная мука. Ели речной ил, глину...

Так было и у нас, и в других местах. Дети и взрослые ежедневно ползли в помещении сельсовета с милостью дать хлеба. Кто высохший, как скелет, кто до безобразия опухший.

С наступлением холодов ни травы, ни кореньев не стало. Поели почти всех собак и кошек. Ели всё, что казалось съедобным.

Тут уж начали вымирать целыми семьями. Обезумевшие родители бросали замерзать своих детей на морозе в поле.

Пока земля не замёрзла, как-то ещё хоронили. И то не везде. Уцелевшие, одичавшие собаки растаскивали трупы. В нашей деревне умирало человек по шесть в день. Маленькие дети от голода грызли себе ручонки. Их связывали.

Начали есть древесные опилки, размалывали ветки молодняка. Спасало ненадолго. Болели и мёрли.

...Тут зачали воровать трупы с могил. Перестали приносить умерших детей на кладбище, оставляли для еды.

Я раньше читал тогда, что людей едят. Но это там где-то, за семи морями, а тут у нас...

Меня спасали мои ноги. Я был бегун. Утащу что-нибудь съест! И лови меня!.. А как обесилел, плохо стало.

Разок срезал у Родичевых в сельнице гуся хомута, а они не поддаются. Сколько ни варил, ни в каюку... Твёрдые и хомуты пахнут.

Другое дело, когда у них отелилась корова. Место, ну этот, послед, они повесили на переруб в сарае. Я его и умыкнул. С мясцом мы оказались с Настёной. Но когда это было? Чуть не год назад ещё.

Бояться я начал, когда плохо стал двигаться. Как бы не прибили. Доступным оказался...

...Разок братья Зуйкины пожаловали разбираться. Я у них из погребки меж делом капкан стибрил. Придёт весна, думаю, вдур суслики ещё остались...

...Уже сумерки наступили. Они к мазанке нашей направились. Один из них с лопатой. А я уже давно почувствовал, что они меня пасут. Перебрались ночевать в сарайчик. Ого братья в избе были, я ползком к Дунькиному оврагу. А сил-то нет, как раньша...

Ткнулся в кусты сирени на полпути передохнуть. Эта сиреневая кулишка и спасла меня. Лежу и вижу перед носом два черепа человеческих и кости разные. Вспомнил, как летом ещё отца с сыном Кичайкиных здесь видел брошенными. Они это.

Мне бы вскочить, да — к оврагу! А не могу, прижало к земле... Всё же скатился я под уклон и поколтыхал, подальше от дома.

Настёну они не тронули. А вскоре старший из братьев Зуйкиных отравился, не знаю чем...

А тут роды у Настёны. Сосед Степан принимал. Кому же ещё? Все, что рядом, немощные. Пуповину дядька Степан резал отцовским сапожным ножом.

...Настёна умерла после родов как-то быстро. Отвезли мы её со Степаном в амбар. Земля уж как железная была. В амбаре том складывали людей до весны, когда земля оттаёт.

Через неделю после матери умерла и девочка. Как ей жить? Я её одной водой с ложечки кормил. Не знал, что делать, советовать не с кем. Степан тоже помер. Как помер — спрашиваешь.

Расскажу. В соседнем селе утром толпа голодных, че-

Рассказы

ловек в сорок, подвезла на салазках к дому волостного председателя разрубленный труп, взятый из такого же как у нас амбара. И потребовала хлеба. Заявили твёрдо: если не будет исполнено их требование, они съедят и самого председателя.

Труп члены совета у толпы отобрали. Что повлияло, не знаю!.. Только и у нас вскоре, и у них стали раздавать кукурузу. Говори-

ли, навреде того, американскую. По четыре кило на человека дали. Вот Степан и наелся досыта. Закупорка получилась у него. Живот и лопнул.

А со мной то как было?

Как раз повезло мне. У Сироткиных солдаты стояли. Я у одного в мешке кусочек салаща и нашарил. С кукурузой его ел. Эта вот смазка спасла меня.

К тому времени я уже знал, что нельзя много есть костной муки. Нельзя употреблять овчину. Был опыт...

Надо девочку хоронить, как положено. А как? Пойду, думаю, к дядьке Илье в соседнюю деревню. Они с отцом когда-то знали. Вместе их призывали на войну с германцем. Он вернулся в село потом с простреленной рукой. Это уже было в гражданскую.

"Может, повезёт чем поживиться у них, а может, по дороге где?" — так я думал.

Дотачился до села, а без толку. Все у них еле двигаются. Топят одну узду поочерёдно с соседями на пять дворов. Где натыпал, туда и сходятся греться. Лежат вповалку, еле живые. Дядьки Ильи дома нет.

Что оказалось-то? Когда стало совсем нечего есть, они съели умершую у них квартирантку из Грачёвки, кажется, Ручникова фамилия её была. Когда съели, дядька Илья послал свою бабу в совет, чтобы она, значит, сказала, что едят человечье мясо. Сделал так, чтобы его двух ребятишек приписали к общественной столовой. Увели дядьку Илью в Самару.

Очень он просил дать ему хоть какую-нибудь работу. Говорил, везите хоть куда, только чтобы можно камельку какую заработать детшикам из еды. Он умел работать.

У него есть в 20-м году было крепкое хозяйство: пять лошадей, три коровы, овцы. Две лошади увели белые, потом в засуху двух съели волки. Остальные сами проели.

Когда я возвращался домой, решил сходить к нашей родственнице Агафье. Она на дальнем конце улицы жила.

Иду, значит, к Агафье и оглядываюсь. Бояз-

но. Она малость чокнутая была. И это ещё... двусбрунная, то есть ну... и баба, и мужик — так говорили.

Я её у нас в доме раза два видел. Лицо мужичье, а так навреде женщина... Её больше Агафоном звали, промез собой-то.

Иду по переулку как могу. А пороша выпала. Светло так! И никаких следов на снегу.

Ну, ладно, думаю, кошек и собак поели. Но люди-то должны остаться, хоть сколько-то... Неужто никого?..

...Я ещё в снях насторожился. Запах...

А как открыл дверь: дух мясных шёл волной ударил в ноздри. Смотрю, в печке огонёк сверкает. Агафья с ухватом стоит.

— Проходи, проходи, сродничек! Давненько тебя не видела. С чем пожаловал, Ванечка? Разговорчивая такая...

Она спрашивает, а я молчу. Одно на уме: "Откуда у неё мясо? Неужто она?..."

Не знаю, что делать! Говорить с ней или ударить сразу. Страх обуял...

— Вот сейчас щец налью, тогда и расскажешь.

И достаёт хозяйка глиняную чашку с отбитыми краями, тёмную такую.

Я еле выдавливаю из себя, не подходя к столу:

— Настя родила и скончалась. Теперича девочка её померла. Племянница моя. Похоронить бы надо.

— Похоронить? — быстро переспрашивает Агафья. И поворачивается ко мне всем лицом.

Глаза у неё пустые. Ничего, ровно, в них нет,

лась... Некоторые тут же, померев, валялись... Я, как мог, поволокал к амбару. Два раза падал, лежал подполгу. Набравшись сил, вставал и снова колтыхал.

...Трупов в амбаре было уже меньше, чем зимой. Растащили. Настёна лежала теперь в углу, ближе к выходу. Видать, собирались утащить, дак не успели. У неё не было правой ноги совсем.

Девочку я не нашёл, как ни старался...

Тут вскоре тех, которые в амбаре уцелели, власти захоронили. И Настёну тоже. По улице собирали тех, которые из-под снега, зная...

Девочку-то я тогда не назвал никак. Теперь вот, когда помнюна в церкви всех, кого знал, её без имени называю... Просто девочкой.

Хоронили из амбара прямо на наших задах, где эти самые кусты сирени, которые когда-то укрыли меня. И сейчас эта сирень на своём месте. Последний раз я там лет десять назад был. Удивительное дело: чахленькая эта сирень жива, цветёт себе. А стольких людей, когда-то розовощёких, рослых, деловых, разных, не стало. Как ветром выдуло